

П. Берков

Неизвестные стихотворения Ломоносова в "Санктпетербургских ведомостях" 1743 и 1748 годов

Русская литература, N 4, 1961 г.

[OCR Бычков М.Н.](#)

В академических изданиях сочинений Ломоносова (под ред. М. И. Сухомлинова и в новейшем) под 1748 и 1751 годом помещены три переводные "надписи г иллюминациям" ("Явив щастливую премену", "Желая к храму нас блаженства возвести" и "Веселием сердца год новый оживляет"), анонимно опубликованные в "Санктпетербургских ведомостях" в регулярно печатавшихся здесь отчетах о дворцовых празднествах и не включенные поэтом ни в одно прижизненное собрание его произведений. Основанием для признания Ломоносова автором этих стихотворений, и притом бесспорным, является наличие в Архиве Академии наук автографов поэта.

Известно, в каком плохом состоянии дошел до нас личный архив Ломоносова, а также Архив Академии до 1748 года, после пожара 1747 года, уничтожившего большую часть дел Канцелярии.¹ Однако и после 1748 года архивные материалы сохранились далеко не полностью. Так, до нас не дошли "репорты" Ломоносова о его занятиях в 1748 году - сохранились лишь планы и отчеты начиная с 1749 года, но не все произведения, упомянутые в них в качестве выполненных, обнаружены в Архиве Академии наук. Таково, например, "Письмо о сходстве и переменах языков", записи о химических опытах "со вспоможением воздушного насоса", "Проект со стихами для фейерверка к 18 декабря 1756 года" и др.

Поэтому можно считать в самом прямом смысле счастливой случайностью то обстоятельство, что в академическом архиве сохранились автографы трех упомянутых выше переводных стихотворений. Не будь этих рукописей, издатели Ломоносова спокойно прошли бы мимо произведений, опубликованных в "Санктпетербургских ведомостях".

Зная состояние личного архива Ломоносова и архива Академии наук в части, относящейся ко времени поэта, мы вправе предположить, что среди несохранившихся материалов могла быть автографы также и других, до сих пор не выявленных переводов поэта, печатавшихся в "Санктпетербургских ведомостях" до 1748 года. Для подтверждения этого предположения прежде всего необходимо было установить, имеются ли в академической газете какие-либо стихи, помимо учтенных в библиографиях Ломоносова. С этой целью мною были просмотрены комплекты этой газеты за 1742-1748 годы и обнаружены "стихи на иллюминацию" и два двустихия внутри прозаического текста. По моему предположению, переводы эти принадлежат Ломоносову. Никаких документальных подтверждений его авторства найти мне не удалось: стихотворения относятся к периоду, плохо освещаемому архивными материалами.

При отсутствии автографов и отчетов установление автора анонимного произведения представляет значительные трудности, увеличивающиеся в нашем случае еще и вследствие того, что стихотворения, о которых идет речь, малы по размеру и не дают исследователю больших возможностей для стилистико-лингвистического анализа.

Процесс атрибуции в подобных случаях необходимо начинать с установления *возможности* написания данного произведения предполагаемым кандидатом в авторы, т. е. с фактов биографических.

Из письма Ломоносова к Г. Н. Теплову от 22 апреля 1748 года явствует, что поэту не раз приходилось иметь дело с переводом стихов Штелина. Ломоносов писал: "Хотя должность моя и требует, чтобы по присланному ко мне ордеру сделать стихи с немецкого, однако я того исполнить *теперь* не могу, для того что в немецких виршах нет ни складу, ни ладу".²

Известно, что Ломоносов еще в конце 1741 года перевел оду Штелина на день рождения Елизаветы Петровны, но в напечатанном тексте фамилия переводчика не указана - она определена по сохранившейся рукописи. Впрочем, не нужно быть очень опытным специалистом по вопросам атрибуции, чтобы определить переводчика стихов "Какой утехи общей луч". Ведь в составе академических переводчиков только три лица могли быть кандидатами в авторы перевода данного стихотворения - Ломоносов, Тредиаковский и И.-Г. Остервальд.³ В 1741 году Тредиаковский еще придерживался своей собственной системы в области версификации, свидетельством чему является его ода 1742 года ("Устрой молчаща давно лира"); кроме того, индивидуальная манера Тредиаковского как поэта настолько своеобразна, что любое его произведение можно безошибочно признать плодом его творчества.⁴ И.-Г. Остервальд, известный как поэт лишь по одному написанному ямбом восьмистишию, в начале 1741 года